

О некоторых особенностях языка деловой письменности

Многочисленные памятники XVI—XVII вв. являются источниками разного рода сведений, и в первую очередь сведений исторических, литературных и лингвистических. Если рассматривать каждый из этих памятников с позиций языковеда, то он предстанет как совокупность определенных композиционных и лингвистических данных, свойственных тому или иному конкретному жанру литературы¹, а также как совокупность языковых особенностей, характеризующих с разных сторон индивидуальность пишущего.

Неоднократно указывалось, что русская книжность, особенно до XVII в., «разлагается на ряд шаблонов: каждый ее жанр, каждый вид жанра имеет свой стилистический шаблон»². В деловой литературе, или, как правильнее с позиций лингвиста ее называть, деловой письменности³, материалы которой анализируются в настоящей статье, этот шаблон имеет особенно большое значение. Вместе с тем подчеркивалось, что «история текста произведения должна пониматься как создание людей — авторов, редакторов, переписчиков, читателей, заказчиков»⁴, что за рукописью важно увидеть ее создателя и создателей как некие индивидуальности⁵.

---

¹ Термин «литература» понимаем в широком смысле слова, включая сюда и так называемую «деловую литературу».

² А. С. Орлов. К изучению средневековья в русской литературе. «Памяти П. Н. Сакулина». М., 1931, стр. 192.

³ Материалы деловой письменности в изучаемое время были почти исключительно рукописными.

⁴ Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, стр. 52.

⁵ Там же, стр. 94.

Эти положения выдвигают возможность двух планов изучения древнего памятника как языковедческого источника: 1) план традиционно-жанрового выражения и 2) план выражения конкретно-языковых особенностей автора (писца), т. е. в известной степени выражения всего личного, индивидуального.

В источнике, таким образом, выявляются два типа фактов: 1) устойчивые языковые факты и трафареты (клаузулы), которым следует автор (писец), исполняющий то или иное задание (добровольное или недобровольное), и 2) индивидуальные языковые факты, свойственные одному памятнику (а может быть, и нескольким даже по жанру разным памятникам, но написанным одним писцом и отражающим особенности языка лишь одного человека). Учет этих фактов помогает раскрыть реальные лингвистические свойства источника и представить источник в его целостности.

К памятникам деловой письменности принято относить так называемые акты материалы: акты — это такие документы, которые в свое время имели юридическое значение. Однако по существующей в исторической науке традиции к актам причислялись разнородные по содержанию материалы, которые в ряде случаев и не имели такого значения, ср. разные виды грамот (купчие, данные, жалованные, меновные, духовные, отводные, разводные, указные, разъезжие и др.); закладные и заемные кабалы; судные списки; различные записи (вкладные и др.); выписи из писцовых книг; дозоры, обыски, допросы; распросные речи и — челобитные, грамотки и т. д.⁶

Актовые материалы разнообразны не только по содержанию, но и по заключенным в них языковым данным. Чтобы они стали полноценным источником для изучения языка, необходимо их детальное исследование с определенной целью: создать точную, отвечающую требованиям лингвистической науки классификацию, которая вскрыла бы типовые признаки разных видов актов по языку. Может быть, при работе над такой классификацией, пред-

---

⁶ См. «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. III, сост. Л. В. Черепнин. М., 1961; «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в.», т. II. Отв. ред. проф. Л. В. Черепнин. М., 1958; «Акты Московского государства», изданные имп. АН под ред. Н. А. Попова, т. II. СПб., 1894 и др.

полагающей использование массового материала, следует прибегнуть к статистическим методам. Естественно, решение этой задачи — предмет специального рассмотрения.

На первых порах можно показать, что актывые материалы (т. е. материалы деловой письменности) не однородны по отражению в них индивидуального начала. Индивидуальное может быть выражено непосредственно и опосредствованно⁷. Выделяются две большие группы по принципу наличия или отсутствия соотношения «пишущий и адресат» — собственно делопроизводство и переписка. Делопроизводственные документы характеризуются тем, что они в большинстве своем не требуют ответа. Они фиксируют какую-то наличность, закрепляют что-то имеющееся, сообщают о чем-то существующем, ср.: Село Растокино на р. на Яузѣ. . . Да подъ селомъ же на р. на Яузѣ мельница монастырская, мелеть въ двои жерновы, а у мельницы живеть старецъ Корнилей Винниковъ. . .⁸; Ивановское помѣстье Яхонтова: пуст., что была дер., Павшино и иные пустоши, а имянъ инымъ. . . сыскати нектѣмъ: пашни пер. во всѣхъ пустошахъ 100 четви въ полѣ. . .⁹ и т. п. Автор высказывается не вполне непосредственно, его изложение преломляется через деловое восприятие фактов. Поэтому не все стороны его языка находят здесь свое прямое воплощение. То, что идет от писца, может быть выражено только произвольно, через письмо (орфографию) — это фонетика, морфология. В остальном же проявление личного начала главным образом опосредствованное.

Переписка предполагает ответ, она обращена к адресату, к лицу, с которым общается пишущий (челобитные, грамотки и т. п.). В этих текстах индивидуальное передается не только произвольно, но и с проявлением воли

---

⁷ См. в статье С. И. Коткова «Русская частная переписка XVII—XVIII вв. как лингвистический источник»: «. . . в текстах художественной литературы. . . лексические включения (речь идет о лексике интимно-бытового плана. — Н. Т.) выступают перед исследователем в качестве опосредствованных, воспринимаемых через призму художественного мышления древнерусского автора, в материалах частной переписки они являются в своих наиболее постоянных, наиболее устойчивых значениях и речевых ситуациях» (ВЯ, 1963, № 6, стр. 108).

⁸ См. «Писцовые книги XVI века», под ред. Н. В. Калачова, ч. I. СПб., 1872, стр. 65.

⁹ «Писцовые книги XVI века», стр. 38.

автора (писца), и всегда непосредственно как отражение языка индивидуума.

Между этими существенно отличающимися по характеру проявления индивидуального начала разными видами материалов деловой письменности можно выделить своего рода переходный тип, в котором личное, выступая в чужой передаче, становится констатирующим, т. е. фактом делопроизводственным. Это так называемые распросные речи и сказки. По поводу распросных речей Б. А. Ларин писал: «Почти все записи в этом подборе дел Разряда не протокольные в нашем понимании, а довольно подробная и относительно точная только по смыслу передача ответов допрошенных под пыткой и без пытки. Подъячие излагали ответы допрашиваемых в нормах приказного языка. Показательно, что в этих свитках преобладает передача показаний косвенной речью, например, стр. 1, 2: А он, Сенька, в тѣ поры был пьян и того не упомнит, что про царя Дмитрия бредил с хмѣлю. Но и прямая речь лишь в очень редких случаях может быть сочтена за точную запись, тем более, что никаких отступлений от выученной орфографии и грамматики дьяки при этой записи не допускали»¹⁰.

Разделение всех этих материалов в общих чертах можно представить в такой последовательности:

Делопроизводственные документы	Переписка
Грамоты (духовные, купчие, меновные, межевые и т. д.), кабалы, записи в писцовых книгах и др.	Распросные речи, сказки Челобитные, памяти, грамотки

Итак, проявление индивидуального в деловой письменности различно. В делопроизводственных документах индивидуальное стоит как бы на втором плане, поскольку оно выражается произвольно, в переписке оно исходит от самого писца, прямо, непосредственно, личность пишущего проявляется сразу¹¹. Поэтому памятники, которые

¹⁰ Б. А. Л а р и н. Разговорный язык Московской Руси. «Начальный этап формирования русского национального языка». Л., 1961, стр. 30.

¹¹ Говоря о личном, индивидуальном, мы обобщаем личность автора-писца.

мы относим к переписке, дают наиболее доказательный материал для изучения различных сторон живого языка, в то время как памятники делопроизводственного характера сообщают главным образом факты, определяющие специфику жанра.

Изучая живую народную речь, ее фонетику и морфологию, историки языка при широком использовании деловой письменности закономерно обращаются к основному тексту, к тому, что находится вне рамок трафарета. Например, в книге С. И. Коткова «Южновеликорусское наречие в XVII столетии» так отграничивается материал: «Считаемся с тем, что исследуемые тексты почти исключительно делового содержания, в них безусловно отразилось влияние сложившихся норм приказного языка; поэтому исключаем из круга фактов, доказательных для нашей темы, традиционные формулы и обороты приказного языка»¹². Действительно, устойчивые элементы языка в какой-то мере противостоят проникновению в них живых тенденций развития.

Однако, обращаясь к памятникам, в которых индивидуальное начало находит наиболее разностороннее и непосредственное проявление — памятям, письмам (граммоткам), к тому, что выделено нами как переписка, можно увидеть, как преломляется индивидуальное по отношению к той части данного вида письменности, которая характеризует план общего, традиционного. По-видимому, индивидуальное выражается здесь прежде всего в выборе и полноте использования тех или иных устойчивых, традиционных компонентов деловой письменности. Представляется, что именно во взаимодействии устойчивого и индивидуального (устойчивое в индивидуальном употреблении) осуществлялось сближение двух разновидностей языка — приказного и народно-разговорного. Наблюдения показывают, что отмеченное явление характерно для языка изучаемого времени. В самом деле, материалы деловой письменности дают факты довольно свободного применения в разговорной речи ряда слов и выражений приказного языка. Несомненно, что в определенных ситуациях говорящий использовал элементы языка делового документа. Ср., например, употребление выражения «бить

---

¹² С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, стр. 4.

челом» в частных письмах XVII в.¹³ И наоборот, трафареты, традиционные формулы подвергались воздействию народно-разговорного языка.

Отметим некоторое проявление индивидуального в трафарете. Как известно, при составлении документов пользовались разного рода типами трафаретов. Трафарет (или формуляр) — это своеобразный остов документа, куда как бы вкладывалось переменное содержание. Нельзя считать, что пишущие безразлично относились к содержанию трафарета (клаузул).

В переписке А. И. Безобразова имеется 27 писем, написанных от его имени разными почерками. Почерк А. И. Безобразова известен. Это позволяет установить любопытные факты. В письме, адресованном «приятелю и добродею» Михаилу Прокофьевичу (ГБЛ, ф. 29, № 1639, л. 4 об.), исправления и приписки Безобразова говорят о человеке, который придирчиво следит за содержанием и стилем письма. Во фразе, присущей формуляру частного письма, «всякого добра желает и здоровья твоего оберегает» глагол «оберегает» исправлен на «осътерегает». В сочетании «с Александром Прокофьевичем» отчество заменяется на «Михайловичем», в отрывке «о Иване Мишкееве. . . ныне милости прошу» между словами «милости» и «прошу» вставляется над строкой «о немъ же» («ныне милости о немъ же прошу»). Собственноручно в соответствии с трафаретом А. И. Безобразов заканчивает письмо: а семь писав работникъ тво Андрюшка Безобразов челом бую не презьри гсдрь мои милосътвовой убого моего пренья к себе.

Как видим, Безобразов не был особенно внимательным, когда писал приписки. Он* пропускал буквы («тво»), слоги («убого»), мог исказить слово в знакомой формуле («пренья» — прошенья), его не смущала орфография письма, написанного не им самим, хотя орфографические навыки писавшего отличались от привычных Безобразову норм, — для него важно было соблюдение формы, словесной точности формуляра. Безобразов имел свои любимые трафареты и строго придерживался их, корректируя содержание.

---

¹³ Н. И. Тарабасова. Об одном фразеологизме в частной переписке XVII в. «Исследования по лингвистическому источниковедению». М., 1963, стр. 144.

Между прочим, слово «остерегает», о котором говорилось выше, употреблено в 12 письмах от имени Безобразова, в следующих вариантах: *остерегает.* *остерегаем.* *остерегаеть,* *осьтерега[ет].*

Итак, представлять индивидуальное в трафарете могли лексические элементы и синтаксические конструкции.

Обратимся к тем проявлениям личного, которые связываются с использованием трафарета в целом.

Различают публичные (или официальные) и частные грамоты¹⁴ в зависимости от того значения, которое им придается, — исходят они от официально-государственного или от частного лица. Аналогично можно рассматривать и памяти. Полный образец формуляра памяти имеет такой вид: дата, перечисление лиц, от которых исходит память, указание лица, которому адресована память, подробное изложение содержания (пункты распоряжения, выраженные в форме инфинитивных предложений). Память завершается требованием исполнять все по указу, затем следуют подписи. Ср., так сказать, «остовы» официальной и частной памяти:

. . . году. . . по указу великихъ государей царей. . . память Бѣлозерскому таможенному головѣ. . . Васкѣ Лонскому с товарищи. Въ нынѣшнемъ во 194 году. . . великіе государи цари. . . , слушавъ докладной выписки в Комнатѣ, указали, и бояре приговорили. . . а таможенную и помѣрную пошлину собирать имъ по указу великихъ государей и по торговому уставу; а ярмонке быть въ Тихвинѣ. . . послать великихъ государей указъ во всѣ города, чтобы. . . и съ тѣхъ книгъ списки прислать къ Москвѣ въ Приказъ большія казны. . . И какъ къ вамъ сія память придетъ, и вы бѣ. . . о всемъ чинили по сему великихъ государей указу, какъ о томъ писано выше сего. . . А позади подлинной памяти писать: дьякъ Иванъ Алферьевъ. Справа Василья Русинова¹⁵.

. . . октября въ Ді де память людямъ моимъ Михаилу Антипову да Григорию Щербачову ехать имъ в. . . а приехавъ сыскать всеми. . . крѣстьяны на спорной земле. . .

¹⁴ См. «Правила издания сборника грамот коллегии экономии». Пг., 1922, стр. 24—25.

¹⁵ См. «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедициею имп. АН», т. IV, 1645—1700. СПб., 1836, № 289, стр. 426—428. — Отметим, что термин «память» в XVII в. употреблялся наряду с термином «указ».

много ли кошен ржи нажали і по чему ис конны замолот. . . имъ же сыскаѣ что в Заваловой старои моеи ржи и еровава всякого хлеба в житницах. . . и сторонних людей спрошат по чему на стороне з десятины. . . да имъ же сыскаѣ про Юраса Степанова за что Ѹ нево ссора Ѹчинилася с крстьяны за что он крстьянку запираѣ в анбар и по крстьянех изъ луку стрелял ли і не пьеть ли и за моимъ деломъ ходит ли. . . прислат. . . ходока тотчас (ГБЛ, ф. 29, № 1639, л. 5).

Заметим, что границы между типами подобных документов (выделенных нами под названием «переписка») очень зыбкие. Нередко пишущий такую память называет и грамоткой:

... память людем моимъ Михаилѣ Антиповѣ да Григорью Щербачовѣ как я вас *вспѣсти* і велел я вамъ к себѣ ходока прислать и вы ко мне и не подѣмали ходока прислать не мешькаѣ *тотчас* к Москве. . . каторова часѣ к тебѣ грамотка моя придет (ГБЛ, ф. 29, № 1639, л. 6).

В данном случае память — это служебное письмо к приказчикам.

Такова, к примеру, и память, которую Безобразов послал в свою вотчину Тельчье неосмотрительным приказчикам, по вине которых сгорели хоромы. Память настолько уснащена бранными словами, что цитировать ее не представляется возможным (ГБЛ, ф. 29, № 1639, л. 8).

Графарет не являлся препятствием для выражения самых разнообразных мыслей пишущего. Он не давил на содержание, одинаково служил общению с государственными учреждениями и сельскими приказчиками. В рамках одного и того же графарета свободно функционировал и официальный язык, и повседневная разговорная речь.

По-видимому, в подобных случаях можно говорить о стилистических разновидностях одного и того же типа документов, а к рассуждениям о том, что актовая письменность прошлого очень однообразна, шаблонна, что заимствованный из нее материал может характеризовать лишь одну из стилистических сторон языка, следует относиться с осторожностью. Личное воплощается в целом комплексе языковых средств (в частности их не выясняем), которые создают картину определенного индивидуализированного стиля.

Проявление личного сказывается и в использовании некоторых традиционных, присущих деловому жанру слов и словосочетаний.

Понятие трафарета не ограничивается клаузулами. Трафарет включает в себя не только более или менее строгую композицию документа, он характеризуется и определенными языковыми чертами, дополняющими эту композицию. В берестяных грамотах, например, преобладают синтаксические конструкции, в большинстве своем свойственные грамотам вообще: отмечается как норма односоставное предложение (80 из 100 исследуемых предложений), давнопрошедшее время употребляется редко, преобладают формы перфекта; в берестяных грамотах, как и грамотах на пергамене, мало материала для выяснения значения причастия как второстепенного сказуемого¹⁶. Анализ синтаксиса грамот идет в плане сравнения с конструкциями, традиционными для данного вида памятников.

Нередко более или менее обычные конструкции, присущие какому-то виду памятников, варьируются в зависимости от употребления. Выбор того или иного выражения определяется волей пишущего (автора-писца), его настроением, соответствующей жизненной обстановкой и т. п. Через индивидуальное, таким образом, открывается специфика характерных для жанра отдельных сторон языка.

Попытаемся проследить это на двух примерах из частной переписки XVII в. — употреблении глагола *пожаловать* («соизволить») при выражении вежливости и глаголов *чинить*—*учинить* в значении «делать».

Глагол *пожаловать* широко использовался в грамотах-письмах¹⁷, ср.: Прощу твоево гсдрь жалованя пожалуи Алекъсеи Петровичъ вели мне купит две бе-

¹⁶ В. И. Борковский. Синтаксис. «Палеографический и лингвистический анализ повгородских берестяных грамот». М., 1955, стр. 144, 149, 150.

¹⁷ Примеры заимствованы из ф. 1257, оп. 1 (ЦГАДА); ф. 29, № 1639 (ГБЛ), указываются только единицы хранения и листы. Кроме того, использована «Переписка стольника А. И. Безобразова 1687 года», изданная А. А. Востоковым. М., 1888 (обозначаются номера разделов и писем), а также письма, опубликованные А. В. Беляевым во «Временнике Моск. общества истории и древностей российских», кн. 5, 9, 17, 21 (указывается номер книги и письма).

лушки законные. . . кѣпя пожалѣи пришли ко мне а с кем гедрь тое рыбу пришлеш і што за тое рыбу денег дашь і ты пожалуи ка мне отпиши і я денги таво часу отдам каму ты велишь пожалуи Алѣѣи Петрович не поскуч челобитишком моим, стб. 4, л. 271.

Значение вежливости связывается в этом глаголе с закреплением его в качестве сопутствующего другим глаголам¹⁸. Это значение обуславливается в следующих конструкциях.

а) В сочетаниях с глаголами того или иного конкретного действия в формах изъявительного наклонения:

А у меня нужное дѣло в Казани о бѣглых крестьянх а по твоеи гедря моего млсти пожалѣеш к ним отпишеш і они чаю что тѣх моих бѣглых крестьян по твоёму шему отдадут, стб. 3, л. 177; помилуи гедрь заступи о мнѣ ꙗкобгом чтоб пожаловаль Ѳедор Леонтьевич тому не повѣрилъ ꙗмилис гедрь над убогим рабомъ, стб. 5, л. 344.

При втором глаголе может стоять прямое дополнение, выраженное предметным именем существительным, например: А Василии Григорьевичъ пожаловаль, далъ кадку меду, Вост., III, 6; а противъ твоего письма послала я къ Василью Григорьевичу для рыжиковъ, и онъ только пожаловаль прислалъ сковородку бѣлую, Вост., I, 6; и чтобъ пожаловаль тое челобитную мнѣ отдалъ,

---

¹⁸ В. В. Виноградов отмечал как известный факт, что «в древнерусском языке глагол „пожаловать“ в значении: соизволить — согласовался с другим глаголом, обозначающим то или иное конкретное действие. Ср. в надписи на народной картине „Лисица“: „Журавля усердно просила, чтоб он пожаловал покушал“ («Русский язык». М.—Л., 1948, стр. 674). — Самостоятельное, независимое от других глаголов употребление слова «пожаловать» в письмах XVII в. свидетельствует о его большой семантической емкости: «вознаградить» — и что ты меня гедрь чем пожалѣеш что и моеи брати оценишь и мнѣ то ж тѣм жа въ селѣ Толковѣ, стб. 2, л. 87; «оказать милость, почтить» — прикажи гедрь о мнѣ ꙗкобгамъ ѡтписати к Василью Григоревичу и к Ѳедорѣ Леонтьевичю. . . чтоб пожаловали для твоего прошения чтоб мнѣ быт въ Ераславце Маломъ, стб. 5, л. 350; «наградить, возвести в звание» — пожаловал великий гедрь внешняго числа в бояря князя Петра Семеновича Прозоровского, стб. 4, л. 102; оно входит в традиционный, присущий письмам оборот: а про меня пожалуеш изволишь напаямывать (также — пожалуеш изволишь спросит) — а про меня гедрь пожалуеш изволиши спросит и я на Москве з женою и з детми ноября по де жив до воли божей, стб. 3, л. 51.

Бел., 21, 4; челом гдрь батюшко бью на твоём жалованье пожаловал прислал мнѣ бочечку з двоиным вином да двои очки, стб. 3, л. 21а об.

Прямое дополнение, выраженное предметным именем существительным, относится ко второму глаголу и, усиленная его глагольные свойства, в какой-то мере нейтрализует значение согласованного с ним глагола *пожаловать*, отводя его на позиции второстепенного члена конструкции, обладающего модальной функцией. Но вместе с тем при определенной интонации обозначенный объект как бы способствует и расчленению конструкции на две однородные части. В связи с этим разбираемые сочетания могут пониматься двояко: и как один оборот, и как сочетание однородных членов¹⁹. Однако имеются веские основания видеть здесь единую конструкцию. Это подтверждается и разнообразием употребляемых форм конструкции, и рядом других доказательств, например способностью конструкции быть в числе однородных глагольных членов: *штобы он гдрь мои пожаловал поговорил и побил челом за меня патриарховым братьям*, стб. 4, л. 327; или в составе сочетания, согласованного с другим глаголом: *бью челом на твоём жалованье што жаловал людшек моих пожаловал ссудил ихъ денгами*, стб. 4, л. 271.

Семантические смещения в глаголе *пожаловать* наблюдаются при изменении типа существительного, являющегося прямым дополнением, когда последнее выражается именем с отвлеченным значением или существительным, обозначающим лицо (а также местоимениями):

И крѣпостей государя моего на ту ихъ Белевскую вотчину у меня нѣтъ, чтобъ пожаловалъ далъ сроку, Бел., 21, 2; чтобъ де пожаловали государи наши прислали къ нимъ людей, а безъ людей де имъ оброку не выбрать, и рыбы не ловить, Бел., 21, 18.

Подчеркивается жалованье какого-то лица.

б) Глагол *пожаловать* употребляется и в более сложных конструкциях (с объектными инфинитивами) в изъявительном и сослагательном наклонениях — *пожаловать велеть* («изволить приказать») *сделать что-то*:

---

¹⁹ Ср. постановку пунктуационных знаков в этих случаях в ряде дипломатических изданий деловой литературы. До самого последнего времени здесь не было определенного единства.

Челомъ гсдрь бью за милость твою гсдря моего что пожаловал велел допросит арленина сна боярскова Микиту Арнаутова, стб. 4, л. 365; чтоб великий гсдрь пожаловал ево велѣль тое примерною лишнею землю. . . дать емѹ в ѹказное числу, стб. 4, л. 290; чтоб гсдрь пожаловал велел меня взят к Москве, стб. 1, л. 308 об.; и челобитная подписная есть, что государь пожаловалъ велѣль о томъ указъ учинить боярину князь Алексѣю Андрѣвичу Голицыну съ товарищи, Бел. 21, 6; а пожалуешь гсдрь изволишь про меня вѣдать и я на Москвѣ, стб. 4, л. 77; а по своей гсдрь ко мне милости пожалуешь изволишь про мѣня напамѣтовать, стб. 4, л. 112; что пожаловал приказал ко мнѣ писат о своем здорове, стб. 5, л. 336.

Следует отметить также аналогичные конструкции с глаголами *приказать*, *писать* вместо глагола *пожаловать*, отражающими разную степень жалованья-приказанья.

Приказалъ ты, государь, мнѣ холопу своему — велѣль съ дѣла списать Ивана Тургенева съ Васильемъ до съ Гавриломъ Веревкиными въ вотчине, Вост., II, 9; да ты же гсдрь ко мне холопу своему пишеш велишь кормить мелкѹю скотину ѹхвостьемъ и ѹ меня холопа твоего ѹхвостья нет, стб. 3, л. 91; а что писалъ ты, государь, велѣль Василью Григорьевичу побить челомъ на воеводъ Ярославца Малаго, Вост., I, 2; а въ кашинскую государь деревню, по твоему государьскому указу, писалъ, велѣль купить гусей, Бел., 21, 11; а что писалъ ты, государь, велѣль зелени купить пудъ, Вост., III, 7.

Однако оттенок модального значения глаголов *приказать*, *писать* в данных конструкциях не был достаточно сильным, чтобы противостоять их лексическому значению. В контексте эта конструкция довольно свободно размещается по всему предложению.

в) Наиболее употребительна конструкция с глаголом *пожаловать* в повелительном наклонении:

Пожалуи по милости своей ссѣди взаимы пять чети мѣрки ржанои, стб. 4, л. 60; пожалуи купи мне пять лотокъ хороших которые поболши, стб. 4, л. 508; а на меня пожалуи приятел мои гневу своево не положи, стб. 9, л. 114; пожалуи гсдрь братецъ Андреи Ильич высмотри тое отписку, ГБЛ, л. 18; пожалуи гсдрь братецъ отпиши ко мнѣ, стб. 4, л. 381; пожалуи гсдрь заступи ѹбогова, стб. 5, л. 341; да млсти у тебя гсдрь

прошу пожалуи не покии Аниси и детипакъ, стб. 4, л. 381.

По-видимому, к подобным сочетаниям относятся слова А. А. Потевни: «„Пожалуйста, не забудь, не забудьте“. Теперь это сообщает лишь модальный оттенок (ср. лат. *sis, sivi*). Еще недавно — вполне равносильное с другим повелительное „пожалуй постарайся“, „пожалуйте кушайте“ (Даль). У Квѣтки: „На-те лишень, пожалуйте“ (пожалуйста возьмите); „Нездивуйте, пожалуйте (что не вполне ладно), панна сотникова, пусть [панна сотникова] потрудитса выйдег и поднесет пам“ (Кв.-Осн., II, Сотн.)»²⁰.

Уже в XVII в. очень широко использовались в повелительном наклонении (как и в изъявительном) конструкции не только с двумя, но и с тремя глаголами. В них оттенок лексического значения глагола *пожаловать* отдалается от исходного, сообщая предложению дополнительное модальное значение²¹.

Приведем конструкции с глаголом *велеть*:

Послал к тебе ж гсдрю моему чорную челобитенку свою пожалуи гсдрь мои вели ево списать, стб. 4, л. 327 об.; пожалуи не вели меня *забыд*, стб. 4, л. 103; пожалуи мои приятеи вели крстьянина ево свободит а ему Митрофану Безобразову пожалуи вели в тех днагах дат ему сроку, стб. 4, л. 428; пожалуи млстивои мои гсдрь не вели ево оскорбить і не тюрьмы вели ево свободно *счпнить*, стб. 4, л. 511.

Как и в предыдущих случаях, повелительные формы чаще всего отделены друг от друга различными оборотами и рядом сочетаний.

Рассмотренное значение глагола *пожаловать* связано главным образом с формами второго и третьего лица.

Выражение вежливости от первого лица осуществляется в следующих структурах с отглагольным именем существительным: *прошу жалованья, челом бью на жалованье (за жалованье)*.

²⁰ А. А. Потевня. Из записок по русской грамматике. IV. М.—Л., 1941, стр. 196.

²¹ Ср. случай увеличения числа глаголов, входящих в конструкцию, и нагнетания оттенков значений: да пожаловал же ты гсдрь изволил приказат *отписат* ко мнѣ ѿ Лариѡне Тизменеве, стб. 3, л. 170. См.: И. Б. Кузьмина. Употребление глагольных форм в предложениях со значением побуждения в русском языке XI—XVII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1951, стр. 4.

Челом бью на твоёмъ гсдря моего жаловане что пожаловаль, стб. 5, л. 384; челомъ гсдрь бью за премногое твое гсдря моего жаловане что жалуеш людшек моихъ и крстьяннишекъ, стб. 4, л. 445; прошу гсдрь млстивова твоего жалованья напаметѣи млсть свою к вечному своемѣ работникѣ, стб. 4, л. 349 и под.

Все приведенные примеры фиксируют тот этап, когда глагол *пожаловать*, употребляясь в определенной синтаксически обусловленной конструкции, приобретает новые оттенки значений (в данном случае модальных)²².

Сопутствующим глаголом в повелительном наклонении выступал и глагол *приказать*: прикажи гсдрь вели на мне на Москве-судом иськат, стб. 4, л. 367.

Итак, выражение вежливости связано прежде всего с использованием разных форм глагола *пожаловать* в сочетании с глаголами конкретного действия. Авторы-писцы постоянно употребляли их в своих грамотках. Но вместе с тем они могли и не употреблять этого глагола. В некоторых грамотках вежливость выражается другими способами — с помощью обращений, иногда в форме уменьшительных имен существительных: да пришли гсдрь жернава на мельницу, стб. 4, л. 240; и ты дядюшка вели проведать, стб. 3, л. 71; с помощью некоторых традиционных для эпистолярного жанра выражений в начале и в конце письма: гсдрю моему Андрѣю Ильичю Гришка Аничков челом бьет даи бгъ тебѣ гсдрю моемѣ многолетное здорове. . . за семъ гсдрь много челомъ бью, стб. 3, л. 2, 3 и др.

В данном случае проявления индивидуального связаны с отбором и использованием в каких-то определенных ситуациях отдельных импонирующих автору (писцу) выражений.

Аналогичным примером могут служить и широко распространенные в переписке, относящиеся к графариету грамоток глаголы *чинить—учинить* в значении «делать» и сочетания с ними в функции сказуемого.

а) *Чинить—учинить* в роли полувспомогательного глагола в сочетании с отвлеченными именами существительными: И не такие безхитросные вины живут одна-

²² Современная форма с агглютинативным суффиксом — *пожалуйста*, употребляющаяся в качестве частицы, по-видимому, результат довольно позднего времени. В словарях она приводится только с 1847 г.

ко ж с разсмотрением наказанье чинят, стб. 5, л. 373; послал я члвка своег Исачка с отписками и ты гедрь млстию своею пожалуи во всяком вспоможение счини, стб. 4, л. 198; скотину перерезав а лошеди взяв с собою побежали в черкаские города а многое гедрь мне розорение счинили, стб. 4, л. 409; чтоб в моем дѣле счини вспоможенне вправде по крепостям, стб. 5, л. 371; учини мнѣ бедному от бедности моеи хотя малую свободу, стб. 2, л. 70; при себѣ я признаки счини от которого мѣста быт переднему и заднему двору, стб. 5, л. 370; і он хотѣл ему всякое добро чинит, стб. 8, л. 68; і в дороге всякое доволство в наших і в конских кормѣхъ счинили, стб. 5, л. 373.

б) Сочетания с нечленными формами среднего рода прилагательных и причастий: І вперед забытно насъ не учини, ГБЛ, л. 33; про то тебѣ извѣсно учинит Пимин Малышев, стб. 4, л. 124; да вѣдомо гедрь тебѣ чиню на Москвѣ у меня бес твоего здорова велми время учинилос безрыбно, стб. 5, л. 376; не вели ево оскорбить і не тюрьмы вели ево свободно счинить, стб. 4, л. 511.

в) В возвратной форме: Дорогою многие шкоты и убытки грѣхъ ради наших счинилос, стб. 7, л. 61; а Михаилу гедрь Проковесѣ полковая служба учинилас по прилучею что емѣ з денежною казною ѣхат поскучила, стб. 8, л. 68; а то гедрь счинилос не хитростью, стб. 4, л. 511.

г) Verbum finitum в формах изъявительного наклонения: И я обо всемъ счинилъ по воле твоеі, стб. 4, л. 561; и я тебѣ гедрю в том дѣле работник учиню все по указу великого гедря, стб. 4, л. 51.

Глагол *делать* в подобных ситуациях употреблялся только в тавтологическом обороте *дело делать*: А как дасть бгѣ живы будемъ и мы за тем иные станемъ дела делать, стб. 4, л. 524; и та земля црковной посеяна вся рожю пожалуи гедрь Андреи Ильич бѣд самъ на веснѣ по просухе хотя ненадолго извол самъ росматрет и при себе то дѣло зделат а самъ изволиши быт и дела все бѣдет изделано, стб. 3, л. 211.

Вариантность конструкций с глаголами *чинить*—*учинить*; а также частота их индивидуального использования свидетельствуют о том, что эти глаголы и сочетания с ними были необходимыми элементами языка автора (писца) в соответствующих ситуациях.

Анализ отдельных сторон языка памятников деловой письменности, выделенных нами в переписку, показывает, что автор (писец) свободно пользуется в своих целях традиционными формулами, характерными для данного жанра. Трафареты и лексика документов, устойчивые синтаксические конструкции преобразуются в индивидуальном употреблении, они модифицируются, развиваются.

Изучение старой письменности делового содержания специально в этом плане позволяет выяснить некоторые вопросы формирования определенных фразеологических норм как одного из признаков жанрово-стилистического своеобразия данной категории памятников. Поскольку язык этих памятников особенно близок живой народной речи, наблюдения над подобными фактами проливают свет и на соответствующие процессы в сфере народно-разговорного языка.